

Товарное производство в феодальной вотчине XVII века

П. Ф. Баканов

В своём гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР» И. В. Сталин определил роль и место товарного производства в различных общественно-экономических формациях и тем самым нанёс сокрушительный удар буржуазным идеям извечности капитализма, проявляющимися в советской исторической науке в виде попыток искать зачатки, зародыши, элементы капитализма в седой древности. «Товарное производство старшее капиталистического производства, — пишет И. В. Сталин. — Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму»¹.

Формы и способы обслуживания товарным производством феодального общества различны. Наиболее ранним из них было обслуживание феодалов изделиями товарного производства, которых не производили вотчина или поместье, посредством торговли. В этом случае товарное производство соприкасалось с натуральной вотчиной только в сфере обмена, не задевая её внутренней производственной жизни. В XVII в. товарное производство стало проникать в феодальную вотчину, и в крестьянское, и собственно барское хозяйство, по-разному влияя на их дальнейшее развитие.

Крестьяне обязаны были выполнять самые разнообразные натуральные и трудовые повинности. Это задерживало развитие специализации производства, тормозило рост разделения труда. Требовалась большая изворотливость и богатая смекалка крестьян, чтобы хоть частично выбраться из пут феодального регламента и освободить время для самостоятельной деятельности. Примеров тому масса в материалах архива боярина Б. И. Морозова. Свидетельство уклонения крестьян от непосредственного изготовления и добывания всей массы оброчных продуктов и изделий мы находим в описных книгах, составленных Давыдом Племянниковым после смерти боярыни Морозовой. Они несут следующие замечания о повинностях с крепостных крупнейших сёл Лысково и Мурашкино: «Оброку платили по 15 рублей с выти да столовых запасов с выти по два пуда свиного мяса (пуд купили по 10 алтын)... по ведру малины (ведро купили по 5 алтын), по четвернику ядер ореховых (четверик купили по 10 алтын), да имано с дыма по курице сушеной, по гривенке шерсти (покупали они по 3 алтына)... с выти же по хомуту, хомут по 16 алтын, по 4 деньги, да по кербе льну (покупали по 16 алтын, по 4 деньги), по

коробу угля, покупали по 20 алтын... Да к винному сиденью имано дров с выти по сажени; работников было по 10 человек, найму давали по 4 рубли человеку на всю сидку... Да на буды ж наймовали на все лето, покамест будное дело идет, по два человека, из костров к горну подвезить, найму им обоим давано по 36 рублей... Да они же хаживали к Москве и к Вологде за боярскими лошадьми в год человек по 10 и больше, а которые в свое место наймовали, и они найму давали по рублю и больше человеку»².

Перед нами ярко выступает своеобразное, пожалуй, стихийное регулирование между собой самими крестьянами производства всей массы натуральных оброков и трудовых повинностей в целях развития специализации отдельных хозяйств в определённой, избранной ими отрасли. Специалисты одного ремесла, скажем кирпичники, сверх своей части трудовой повинности брали на себя и ту часть, которая падала на горшечников, или какой-то не имеющий специальности крестьянин брался, скажем, за подвозку зольи на майдане или шёл сопровождать обоз, освободив тем самым какого-то специалиста от той или иной повинности.

Итак, часть патриархальных крестьянских семей феодальной вотчины, когда-то производивших все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению, встала на путь специализации в труде. Каждое хозяйство или группа хозяйств стремились ограничить свою трудовую деятельность отдельной отраслью хозяйства. Этот прогрессирующий рост разделения труда и является основным в процессе втягивания в рыночные отношения крепостных крестьян. Мелкое крестьянское хозяйство вопреки всё увеличивавшемуся разнообразию феодальных податей и повинностей стало выделять из общего числа работ, производившихся патриархальной семьёй, определённые специальности, стало ориентироваться на более узкие отрасли производства. Это усиливало и углубляло общественное разделение труда, способствовало отделению ремесла от сельского хозяйства и разлагало патриархальное хозяйство крепостного крестьянина.

Проникновение товарного производства в крупное, собственно барское хозяйство как бы не задевало его устоев. Товарное производство уживалось с натуральной системой вотчинно-поместного хозяйства и обслуживало нужды последнего. Наиболее хозяйственные феодалы, подметив выгоду ведения товарного производства, стали заводить в своём хозяйстве промышленные предприятия, изготовлявшие товар для продажи. Этим они умножали объекты прило-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат. 1952, стр. 15.

² «Русский архив». 1875. Кн. I, стр. 117—118.

жения рабочей силы крепостных, усиливали эксплуатацию их введением новых повинностей и расширяли, таким образом, статьи своего денежного дохода дополнительно к обычным феодальным оброкам. Майданы, винокурни, кожевни, железные заводы и другие промыслы, изготовлявшие товар, тесно вплетались в широкий хозяйственный комплекс вотчины или поместья и для хозяина вотчины ничем не отличались от всех других отраслей феодального хозяйства. Он видел в них средство, с помощью которого мог удовлетворить своё постоянное стремление феодала производить всё в своём хозяйстве. Он не задумывался над тем, что товарное производство не однотипно феодальной системе. Он был доволен тем, что мог в какой-то мере удовлетворить свои растущие потребности в деньгах, и безжалостно направлял рабочие руки крепостных на новые виды производственной деятельности. Таким образом, крупное феодальное хозяйство обслуживалось товарным производством не только через товарный обмен, но и через производство непосредственно.

Абстрагируясь от общезвестных вопросов организации феодального хозяйства в целом, попытаемся рассмотреть эту активную форму обслуживания товарным производством феодального общества на конкретном материале вотчинного архива боярина Б. И. Морозова. Данные о практической деятельности хозяина вотчины и широких масс непосредственных производителей — крепостных крестьян — свидетельствуют о том, что в самодовлеющем хозяйстве и в основном натуральном способе производства вотчины даже в собственно боярском хозяйстве довольно чётко выступают первые формы организации простого товарного производства.

В хозяйстве боярина Морозова была развёрнута интенсивная промышленная деятельность: в той или иной степени были развиты винокурение, железолетание и более широко — производство поташа, которое расширялось из года в год. Почти ежегодно создавались новые майданы; по данным переписных книг 1667 г., их насчитывалось до 20 против 6 в 1650 году. Из года в год увеличивалось количество поташа, шедшего на экспорт. Так, в 1651 г. из Нижнего Новгорода через Вологду в Архангельск было отправлено 118 бочек поташа весом в 5 494 пуда, в среднем по 43 пуда в бочке³. В 1653 г. из Нижнего Новгорода в Вологду было отправлено 1 300 бочек поташа⁴, что составляет 55 900 пудов. Вологда была переправочным пунктом, где поташ складывался или в «государевы амбары или Кирилова монастыря». В 1654 г. из Вологды через Великий Новгород до Ивангорода двумя партиями было отправлено 110 малых бочек поташа⁵. Если учесть, что в малые бочки «набивано по 30 пуд», то вес их должен был составить 33 тыс. пудов. Наибольшее количество поташа было отпущено в

1663 г. — 94 940 пудов⁶. Этот поташ, видимо, поступил в распоряжение государства, потому что торговля им была объявлена государственной монополией.

Промышленная деятельность боярина Морозова не ограничивалась производством поташа. В вотчинном архиве сохранились документы, указывающие на существование железодельного производства в селе Павловском. Известно также, что на «низ» (понизовые приволжские вотчины боярина) были переведены мастера-рудники для организации там рудного дела. В одном из документов (докладной записке) приказчик описывал качество найденной им с помощью рудознатца руды, её запасы и докладывал боярину о том, что разработка этих руд обещает большие доходы⁷. Однако в документах архива нет никаких данных, по которым можно было бы судить об объёме этого производства. Известно лишь, что боярин покупал отечественное и иноземное железо, из чего следует, что производство его в самом хозяйстве боярина было незначительно. В нижегородских и арамаскских вотчинах из местного сырья и сырья, присланного из Москвы, выдвигались «кожи яловишные красные и белые и подошвенные»⁸. Из книги денежного стола разрядного приказа за 1662—1663 гг. видно, что Морозов поставлял в казну юфть. В указанном году из его хозяйства государству было отпущено 76 пуд. 16 фун. красной яловочной кожи на 115 руб. серебром⁹. В какой-то степени было развито полотняное производство. Ряд документов говорит о раздаче крестьянкам-оброчницам льна для пряжи и готовых ниток для тканья. Следовательно, полностью производилось чисто крестьянскими способами. По данным описных книг в селе Старое Покровское, Нижегородского уезда, в боярских амбарах хранилось 900 аршин полотна и 680 аршин холстов¹⁰. Наконец, боярин имел три винокурни, причём некоторая часть винокурен сдавалась им в откупа¹¹. Об объёме винного производства боярина Б. И. Морозова можно судить хотя бы по его поставкам вина в Казань для казны: в 1650 и 1651 гг. было поставлено по 10 тыс. вёдер вина в год, по 4 гривны за ведро¹². Кроме того значительное количество вина продавал боярин через свои кабаки; один только мурашкинский кабак в 1650 г. продал вина на 3 600 рублей. Следовательно, производительность винокурен значительно превосходила 10 тыс. вёдер.

Эта интенсивная промышленная деятель-

⁶ «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», вып. II, стр. 294, таб. № 9.

⁷ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова». Ч. II, стр. 179, № 131.

⁸ «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», вып. I, стр. 35; «Акты хозяйства боярина Морозова». Ч. II, стр. 115, № 404.

⁹ «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», вып. II, стр. 296, таб. № 10.

¹⁰ Там же, вып. I, стр. 187, кн. № 6.

¹¹ Там же, стр. 44, № 29.

¹² «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова». Ч. I, стр. 131, 132, 152, №№ 64, 65, 88.

³ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 159, № 97.

⁴ Там же, ч. II, стр. 59, № 347.

⁵ Там же, стр. 69, №№ 348, 349.

ность и наличие значительных результатов её не исключают, однако, того, что основа морозовского хозяйства оставалась феодально-натуральной. Наоборот, это указывает на возможность сосуществования в системе феодального хозяйства натурального и простого товарного производства.

Тщательное рассмотрение жизни вотчины и деятельности боярина показывает неправильность оценки этой деятельности В. Г. Гейманом. В статьях «О хозяйстве боярина Морозова» и «Боярин Б. И. Морозов и крупнейшие его вотчинные сёла Мурашкино и Лысково Нижегородского уезда»¹³ В. Г. Гейман расценивает боярина Морозова как представителя «новой формации», как «кушца и промышленника».

Ещё Энгельс в письме к Р. Мейеру от 19 июля 1893 г. писал: «Трудно предположить, что вышедший из недр феодализма владетель дворянского поместья — лорд или сквайр — когда-нибудь научится хозяйничать, как буржуа, и станет подобно последнему считать своим первым долгом при всех обстоятельствах капитализировать ежегодно часть присвоенной прибавочной стоимости; это противоречит всему опыту во всех некогда феодальных странах»¹⁴.

Расходы хозяйства Морозова за период с 30 октября 1662 г. по 16 июня 1663 г.¹⁵, сведённые в следующую таблицу, целиком подтверждают это положение. Следует напомнить, что в 1663 г. было произведено самое большое количество поташа.

Расходы	Сумма (в руб.)	% %
Благотворительность . . .	18 664	65,5
Строительство и ремонт . .	3 127*	10,8
Приобретение ремесленных изделий для домашнего обихода	3 826**	13,3
Приобретение продуктов питания и фуража	1 304	4,5
Роздано займы	1 471	5,4
Выдано жалованья мастерам	195	0,5
Внесено государственных пошлин	35	
Уплачено за мелкие услуги и другие неизвестные расходы	121	
Всего	28 743	

Анализ таблицы показывает прежде всего самодовлеющий характер хозяйства, крайне

* Из них строительство церкви 2 485 руб., хозяйственные постройки — 642 руб. Притом уплачено за строительные материалы 1 847 руб., за работу 1 280 руб.

** Притом уплачено за работу 184 руб.

¹³ «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», вып. I, стр. LXX—LXXXIII, вып. 2, стр. 15—43.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIX, стр. 235.

¹⁵ «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.». Приходо-расходная книга вдовы Б. И. Морозова, боярыни А. И. Морозовой, вып. II, стр. 237—248.

незначительные производительные расходы. Если исключить благотворительность и расходы, связанные с управлением религиозных обрядов, значительно возросшие по причине смерти боярина Морозова в 1661 г., то основной расход шёл на потребление. Никаких признаков капитализации хотя бы части доходов мы здесь не видим. Таблица подтверждает также, что феодальное хозяйство не обходилось без рынка. Об этом красноречиво свидетельствуют расходы, непосредственно связанные с рынком, составляющие 28,6% от общих расходов.

Мы остановились здесь на антимарксистской оценке В. Г. Гейманом хозяйственной деятельности боярина Б. И. Морозова, потому что его выводы использованы П. И. Лященко в книге «История народного хозяйства СССР». Последний, по существу, повторяет характеристику, данную Гейманом боярину. По мнению П. И. Лященко, это «фигура крупнейшего вотчинника нового типа — боярина, сельского хозяина, торговца, промышленника, ростовщика»¹⁶.

В действительности это не так. На примере самого распространённого производства — поташного — рассмотрим существо промышленной деятельности боярина. Для организации товарного производства боярин избирал такие отрасли производства, которые не требовали применения большого количества квалифицированной рабочей силы. Процесс изготовления поташа, например, требовал одного мастера «поливоца» и десятка полтора — два менее квалифицированных постоянных рабочих — «будников». Все трудоёмкие работы — заготовка и подвозка дров и выжиг золы — выполнялись силами крестьян в порядке барщины.

Строительство майданов не требовало от боярина никаких затрат и тем более никаких капиталовложений. Все работы выполняли крепостные крестьяне. Об этом можно судить по двум документам. В 1660 г. боярин узнал, что вышел из строя один из сергачских майданов. Дело было летом, и боярин счёл, что «ево строить некем и убыточно будет», а потому решил «в нынешнюю пору 5-во мойдана и не заводить, а вельть ево сделать в осень промежу дел в ненастные дни»¹⁷. В другом документе, по поводу строительства нового майдана, говорится тоже, что строить его надо осенью, и прямо указано: «А майдан вельть строить крестьянам». «А на золу б онбары поставить (склады для золы.— П. Б.), хотя лубяные, а зимним путём онбары (из соседнего села.— П. Б.) перевезь вельть»¹⁸.

Оборудование майданов было очень примитивным. Все орудия труда (их насчитывалось до 45 названий) могли быть изготовлены и, конечно, изготовлялись руками вотчинных ремесленников. К минимуму сводились и денежные затраты на организацию производства. Приказчик села Богородского

¹⁶ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. I. Огиз. 1947, стр. 319.

¹⁷ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова». Ч. II, стр. 171, № 511.

¹⁸ Там же, стр. 180, № 527.

Корней Шанской в 1650—1651 гг.—годы самого интенсивного расширения поташного производства—израсходовал около 1 000 руб., и под отчетом на другой год у него оставалось 800 рублей.

В. Г. Гейман рассматривает эти суммы как вложения в предприятие в форме основного капитала. «В 1650 г.,—пишет он,—при сравнительно небольшой ещё выработке поташа в это дело было вложено свыше 1 000 рублей, в мае 1651 года ещё около 800 руб. и т. д.»¹⁹. На самом деле это были текущие денежные расходы по оплате сырья и рабочей силы. Основная часть первой суммы пошла на покупку сырья—золы. В документе от 7 ноября 1650 г. сказано: «Корнилу Шанскому изошло к будному делу по се число 1000 руб.»²⁰. Из самой формулировки вытекает, что эта сумма представляет собой нарастающий итог каких-то расходов. В документе от 5 ноября того же года сказано, что «на будное дело к золяному жению Корнилу Шанскому взял 900 руб.»²¹. Расход второй суммы установить не удаётся, но известно, что поташное дело требовало и других расходов, как то: оплаты жалования мастерам, частичной оплаты транспортировки поташа и целого ряда мелких расходов, но не капиталовложений.

Наиболее сложной для промышленного товарного производства оказалась проблема обеспечения производства рабочей силой; в её решении наблюдается целая полоса исканий. В селе Старом Покровском учились «поливочному и поташному делу» десять человек. Боярин предполагал обучить человек 20 или 30 охотников, но таких не нашлось. Тогда он приказал «выбирать 10 человек добрых и умных и отдать их в учёнь и сильно»²² (насилно.—И. Б.), обещая им за это жалованье. В апреле 1651 г. боярин направил «на низ» пять поливочей да 14 человек будников с жёнами и детьми и приказал приказчикам заводить майданы. «А всех бы вам в вотчинах моих завести 12 майданов»²³.

До 1660 г. Морозов «держал майданы» силами крестьян окружающих сёл и деревень. На крестьян и бобылей была возложена обязанность жечь и доставлять золу, подвозить дрова и выделять «на буды на все лето, покамест будное дело идет», людей на подсобные работы: подвозить дрова и золу, ломать поташ, набивать им бочки и т. п.

По мере расширения поташного производства увеличивались и повинности. В 1659 г. мурашкинцы вместо 96 четвертей золы (в конце 40-х годов) поставляли по 128 четвертей, а сергацкие крестьяне—по 640. Крестьяне не успевали справлять все повинности и вынуждены были покупать дрова, золу и даже нанимать подводы и людей. «За тое золу давано за четверть по 10 денег, а они крестьяня покупали, прибавлявая к тем боярским деньгам своих денег за четь

по 10 алтын: да дров имано с выти по 4 сажени, а сажень покупали по 2 руб. Да на буды же наймовали на все лето, покамест будное дело идет по 2 человека, из костров к горну подвозить, найму им обоим давано по 36 рублей, да к Вологде возили поташу по 5 бочек на выть, а к боярским деньгам за провоз своих денег прибавляли по полтине»²⁴. О том же свидетельствует челобитная крестьян с. Сергач от 4 ноября 1659 г.: «И которые, государь, крестьяня одноконные и безконные они не успевают дров рубить и возить и золы жечь, и они покупают сажень дров по рублю и 40-у алт., а золу, государь, покупают по 2 алт. и по 7-ми копейк. А как ту золу привезут на майдан, и нам, сиротам дают за золу по 4 д. и по 2 д.»²⁵.

Крестьянское хозяйство пришло в упадок, усилилось бегство крестьян. Боярин был вынужден искать другие пути решения вопроса о рабочей силе. Ещё в 1651 г. он сделал попытку привлечь к будному делу всех недоимщиков за прошлые годы. Они должны были жечь золу по укавной цене—до 10 денег за четверть—и погашать эти деньги недоимки оброка. Это мероприятие не дало должных результатов. Крестьяне были делом боярину об отсрочке. Дал её или нет боярин, неизвестно, однако можно предположить, что крестьяне всеми средствами старались избавиться от кабальной работы на майданах и только какая-то часть безнадежных недоимщиков вынужденно шла работать на этих условиях.

Не дала нужных результатов и попытка покупать золу у околных крестьян, то есть у крестьян соседних помещиков. «Околные люди золы везут мало,—писал боярину приказчик села Нового Покровского в мае 1652 года—«А которые, государь, околные люди на майданы золы везут и те сказывают, что будто твои государевы крестьяне тем околным людям на майдан золы возить не велят, а сказывают де им, что будто на майдане мера велика, и денег де за ту золу дают мало»²⁶.

К концу 50-х годов боярин понял, что ему не решить вопроса о рабочей силе полумерами и что дальше так вести производство поташа нельзя. Крестьяне перенапряжены, и их хозяйство идёт к упадку.

В 1660 г. он принял радикальные меры по обеспечению майданов рабочей силой. В марте по его указу в нижегородские вотчины было направлено к будным делам 346 человек²⁷ наёмных и вытных «деловых» людей из галицких вотчин. В апреле боярин дал указания сергацкому приказчику относительно распределения «деловых» по майданам. Не менее 150 человек он велел взять на 4 сергацких майдана, пятый майдан должны были обслуживать местные крестьяне. Остальных боярин велел распределить по другим майданам по усмотрению приказчиков. В арзамасских

¹⁹ «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», вып. I, стр. LXXVII.

²⁰ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова». Ч. I, стр. 139, № 74.

²¹ Там же, стр. 134, № 67.

²² Там же. Ч. I, стр. 127, 134, №№ 59, 67.

²³ Там же, стр. 161, № 97.

²⁴ «Русский архив». 1875, кн. 1, стр. 118.

²⁵ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова». Ч. II, стр. 83, № 375.

²⁶ Там же. Ч. II, стр. 7—8, № 226.

²⁷ Там же, стр. 157, № 488.

вотчинах майданы попережнему обслуживались местными крестьянами.

В июле приказчик села Сергач уже сообщил боярину первые данные о работе «деловых». На трёх майданах дело шло без простоя, вскоре должен был также заработать четвёртый майдан, было уже заготовлено много золы. Судя по переписке, выход из положения был найден. Боярин требовал от приказчиков: бесперебойно «палить огни», запасать золы и дров на будущий год «гораздо слишком» и делать юташ «самый лучший»²⁸.

Что представляли собой «деловые» люди? Были ли это вольнонаёмные рабочие, как называл их И. Е. Забелин²⁹? Была ли эксплуатация их труда «типичной капиталистической формой эксплуатации», как утверждает В. Г. Гейман³⁰? Или это была феодальная эксплуатация, несколько отличная от обычной отработочной трудовой повинности? Вопрос этот сугубо принципиальный, ибо В. И. Ленин указывал, что простое товарное производство становится капиталистическим с тех пор, «когда товаром становятся уже не только продукты человеческого труда, но и самая рабочая сила человека»³¹.

Прежде всего несколько слов о происхождении эксплуатации «деловых» людей. Известно, как многообразны были трудовые феодальные повинности. Следует отметить, что все крепостные, выполнявшие повинности ремесленного характера, как то: строители мельниц и житниц, бондари и колесники, издавна назывались «деловцами». Это название встречается и в XVII веке. Так, в одном из документов 1652 г. говорится: «Да как де делаи мельницу, и в ту де пору не дал деловца», или в другом месте: «па мое дело... деловцев не прислали»³².

«Деловцы» — это люди, выполнявшие барское дело по месту своего жительства, это крепостные, несшие трудовую феодальную повинность — барщину. Интересно, что ещё в 1651 г. понятия «деловец» и «деловой» не различались: «Да молотили, государь, деловцы овес на твоём государевом гумне и после деловцев тот же овес перемолачивали твои государевы крестьяне»³³, — а во второй части этого же документа написано: «молотили де овес деловые до света».

Переходное звено от «деловца» к «деловому» обнаруживается в следующем яв-

лении: мурашкинцы, например, выделяли ежегодно по 2 человека «деловцев» с выти к будному делу, причём это была не квалифицированная, а подсобная рабочая сила. Таким образом, содержание термина «деловец» при известных условиях расширялось. Им мог называться человек, выполнявший любое барское дело. У мурашкинцев в основе выполнения этих форм повинности лежало денежное начало. Они не посылали людей по обычной повытной развёрстке, а выбирали охотников работать за деньги и платили им за сезон по 36 рублей подмоги³⁴. Таким образом, у мурашкинского деловца обнаруживается два особых признака: оторванность его на более или менее продолжительный срок от своего хозяйства и подмога или наём³⁵. Эти черты присущи и боярским наёмным «деловым» людям.

Как сказано выше, рекрутировались «деловые» наёмные из крестьян собственных вотчин феодала и из крестьян разных помещиков. В одной из челобитен «деловые» называют себя так: «твои государевы и разных помещиков деловые людички»³⁶. Боярин требовал от приказчика давать сведения о «деловых» раздельно, с указанием: «его крестьянин или чей заволостной»³⁷. Встречались среди «деловых» и монастырские крестьяне, и гулящие люди, и колодники.

Следует различать две группы «деловых» людей — вытных и наёмных. Первые вербовались из собственных крепостных феодала, вторые — из пришлых от других феодалов, гулящих людей и других категорий населения. Термин «вытные деловые» люди встречается в переписке боярина Морозова за 1660 год. Эти люди, как сказано выше, были присланы в нижегородские вотчины из галицких вотчин. Там к 1660 г. у боярина, видимо, не было никакого собственного хозяйства. Крепостные были переведены на денежный оброк. Но, как видно из всей системы хозяйства боярина Морозова, денежный оброк не исключал и других форм повинностей. По традиции и галичане должны были нести повозные и трудовые повинности. Приложить их труд на месте было не к чему. Боярин учёл этот резерв рабочих рук, и по его указанию была проведена повытная развёрстка на выделение «деловых» людей. Крестьян оторвали от хозяйства и семьи и направили работать на нижегородские майданы.

Следовательно, «вытныи деловой» — это

²⁸ Там же. Ч. II, стр. 171, № 511.

²⁹ И. Е. Забелин. Большой боярин. Журнал «Вестник Европы». Ч. I, СПб, 1871, стр. 47—49.

³⁰ «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.». Вып. I, стр. LXXVII.

³¹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 77. Ср. И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 14—15.

³² «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова». Ч. I, стр. 34.

³³ Там же. Ч. I, стр. 172, № 114.

³⁴ Подмога — денежная сумма, выплачиваемая односельчанами крестьянину, выполняющему добровольно феодальную повинность за «общество».

³⁵ Наём — денежная компенсация, выплачиваемая феодалом крестьянину, оторванному от своего хозяйства и из-за дальнего расстояния не имеющему возможности работать в своём хозяйстве даже ту часть времени, которая была в его распоряжении сверх барщины.

³⁶ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова». Ч. I, стр. 203, № 199.

³⁷ Там же, стр. 202, № 186.

тот же «деловец», но оторванный и от своего хозяйства и от места жительства. Это крепостной, выполняющий трудовую повинность в местах, указанных вотчинником. Оторванность от постоянного места жительства на время работы и наём являются двумя непременными признаками в определении «наёмного делового» человека вообще и «вытного делового» в частности.

О порядке найма «вытных деловых» людей можно судить по сохранившейся в переписке князя Одоевского³⁸ «росписи сенокосными работниками». В ней насчитывается 55 человек. Из них крестьян — 45 человек, бобылей — 7 и 3 человека неизвестных и по жительству и по положению (эти трое пошли в наём вместо крестьян князя Одоевского). 42 человека из 55 получили наём: 27 человек — по полтора рубля, 4 — по полтине. 13 человек найма не получили. Значительная часть, а именно 21 человек, была взята в наём за недонмку оброка от 14 до 44 алтын каждый, но характерно, что все они получили наём в размере полутора рубля.

Особый интерес представляют следующие данные. Трое из нанятых послали вместо себя других людей: один послал, по всей вероятности, своего брата, остальные — неизвестных людей. Подставные лица пошли работать с поручными записями от одного и даже двух поручителей. В основном в «вытные деловые» выбирались недоимщики. Причём князь Одоевский наказывал своим приказчикам: «Осмотреть, сколь он семьянист, и сколь велики дети, и что у него животных, лошадей и коров; будет дети велики, а оброк заплатить нечем и его прислать к Москве в работники»³⁹.

Часто из галицких вотчин князь требовал наёмных плотников. Их выделяли миром и высылали в Москву по поручным записям, в которых говорилось: «До указанного срока, до Филиппова заговинья не збежать»⁴⁰. За сезон князь Одоевский платил наёмным работникам: за сельскохозяйственные работы 3 рубля, за плотничные — 4 рубля каждому.

Следовательно, по мере надобности вотчинник давал указание приказчикам, а может быть, и специальным наёмщикам (в росписи против одной фамилии наёмного записано: «...а наемщик Терешка Иванов») обратиться к определённом сроку нужное количество людей. Вмешивался в это дело и мир, помогая вотчинным администраторам определять, кто может и кто должен идти в наёмные. Выделенный в наём обязан был либо сам идти либо послать вместо себя другого человека. О внеэкономической форме принуждения «вытных де-

ловых» людей свидетельствует также выдача наёмному поручительства. Феодалу нужна была гарантия, что нанятый работник не бежит с работы или по пути следования к месту работы. Некоторая часть крестьян шла в наём по нужде, отрабатывать за педомки, но и в данном случае регулирующее начало оставалось за администратором, который учитывал трудоспособность семьи и только после этого решал вопрос о возможности найма. Видимо, так же набирались в галицких вотчинах 346 человек «деловых» для будных станов боярина Морозова.

В начале 50-х годов боярин попробовал использовать труд «наёмных деловых» в сельском хозяйстве, однако вскоре от этого отказался, предпочтя, видимо, пользоваться трудом барщинных крепостных. В 1652 г. он направлял в село Павловское партии наёмных по 100 человек, а один раз даже 140 человек. Самые крупные партии наёмных боярин направлял на расчистку лесов под пашни и главным образом под сенные покосы. Обычно он нанял их сроком на «одну неделю», «на 7 дён»⁴¹.

Наём «деловых» людей описанным выше путём относится только к вытным. Поскольку же источники вербовки «наёмных деловых» были иные, должны были быть и другие способы найма. Значительное количество таких людей боярин вербовал в Москве. Например, все «деловые» в сёлах Павловском и Котельниках направлялись из Москвы, куда они вновь возвращались по истечению срока работ⁴². Видимо, они и составляли «наёмных деловых» из крестьян «разных помещиков» и монастырей и гулящих людей. О способах найма этой категории наёмных людей мы не можем почерпнуть никаких сведений. Остаётся только предположить, что это были люди, отпущенные помещиками «покориться ремеслом» или просто случайным заработком.

Царь Алексей Михайлович, например, отпускал крестьян из своей вотчины на заработки особым распоряжением. В памяти домоделовскому приказчику сказано: «Как их крестьян станут нанимать на работу — и им наниматца и за то иметь деньги»⁴³. У боярина Безобразова крестьяне чаще всего самовольно уходили на поиски пропитания и заработка денег для расчётов с боярином⁴⁴. Они были свободны выбирать, кому предложить свою рабочую силу, поэтому акт найма этих людей должен был отличаться от найма вотчинником собственных крестьян и по форме и по существу.

⁴¹ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова». Ч. I, стр. 211, № 204; Ч. II, стр. 5, 11, 31, №№ 218, 236, 289.

⁴² Там же. Ч. II, стр. 5, 6, 22, 30, №№ 220, 265, 284.

⁴³ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 21, стр. 1200.

⁴⁴ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.-Л. 1929, стр. 140—179.

³⁸ Ю. Арсеньев. Ближний боярин, князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной. 1650—1684 гг. «Чтения в обществе истории и древностей российских», кн. II. 1903, стр. 112—115. Прил. № VI.

³⁹ Там же, стр. 32.

⁴⁰ Там же, стр. 52—53, 55. Прил. IV, №№ 67, 69.

Во всём остальном «наёмные» и вытные «деловые» люди ставились в одинаковые условия. Договаривались об условиях работы устно. Это видно из возникавших пререканий между приказчиками и «деловыми» о продолжительности рабочего дня и о жилье. «Сказывают, что ряда у них была с тобою, что отпушать с работы рано, а будить их как сонцо взойдет», «наймывали де нас, что де нам стоять в деревне» (а не в шалашах, как этого хотел приказчик), — так описывал приказчик села Павловского свои разногласия с «деловыми» главному московскому приказчику Киселёву, спрашивая у него ответа об условиях найма⁴⁵.

Условия работы по найму в основном были следующие: работать от зари до зари: «А на дело их велеть посылать, как станет солнышко всходить, а з дела спускать, как солнышко сядет»⁴⁶; два часа отводилось на обед и полдник: «а больша б дву часов обед с полднями не был»⁴⁷. Нанятым даже на короткий срок «проходные дни» (дни, проведенные в пути к месту работы и обратно) не зачитывались в рабочее время, а следовательно, и не оплачивались. Приставы и приказчики вели строгий учёт выхода «деловых» на работу. Прогульные часы, а тем более дни наёмные должны были отработать после истечения срока найма⁴⁸. Нанимались «деловые» работать на боярских харчах, но стоимость их входила, видимо, в оплату труда. Об этом можно судить по следующему донесению приказчика боярину: «А деловые, государь, говорят: мы де нанелись не болото сечь и не в воде, заработаем де харч, да и пойдем»⁴⁹.

Сроки найма были различными, в зависимости от характера работ. На сельскохозяйственные работы нанимали на сезон: на пашню, на сенокос, на жнитво, на молотьбу; иногда и на несколько сезонов или на всё лето. Следует отметить случаи перевода «деловых» с одного вида сельскохозяйственных работ на другой и даже на хозяйственные поделки. Артель «деловых» в таких случаях разбивалась на группы, а иногда они работали вместе с крепостными крестьянами: «И деловых пашут залог на Озере 15 человек; да в саду готовят гряды под капусту 10 человек; да 10 человек посланы к Москве; 6 человек делают колеса на Обушковскую мельницу»⁵⁰. В другом месте говорится: «И пашни пахать, государь, нельзя ни ком обычаем... Деловых я послал лесу фонить на избы, что по твоему государеву указу велено срубить 10 изб»⁵¹. «Иславские крестьяне начали жать рожь. Да деловых в Ыславском жнут рожь 30 человек»⁵². На расчистку леса,

как правило, нанимали на одну неделю. Не менее как на сезон присылались «деловые наёмные» на будное дело в нижегородские вотчины.

Работа «деловых» людей ничем не отличалась от обычной барщины. Батоги и плеть гуляли по спинам наёмных, пожалуй, чаще, чем по спинам обычных крепостных. В апреле 1652 г. «деловые» наёмные люди подали боярину челобитную, в которой описывали зверства пристава Семёна Горюна: «Нас, сирот, бьет и мучит не про дела, напрасно, без вины, и многих нас, сирот, изувечил и глаза подбил, инова руку переламил». Боярин запретил применять плеть, а приказал «бить батоги слегка, а не увечить»⁵³.

Система надзора и понуждения к работе были такие же, как и на барщине. На каждые 10 человек «деловых» имелся свой десятник, на каждые 20 человек назначался пристав, сопровождавший их к месту работы, или выделенный на месте приказчиком из дворовых слуг. Над этими надсмотрщиками стоял вотчинный приказчик. «А над приставами б тебе смотреть, чтоб деловым гулять не давать»⁵⁴, — требовал боярин от приказчика села Павловского.

В документах не засвидетельствовано каких-либо признаков экономического поощрения труда наёмных «деловых», занятых в сельском хозяйстве, хотя бы в формах организации труда, как то: поурочная, сдельная, аккордная работа. Наёмные должны были отработать положенные дни под постоянным страхом быть избитыми. Особенно тяжёлы были условия труда на расчистке леса. Тяжёлый труд (часто в болоте), ночлег в шалашах, чтобы не тратьте время на переходы до ближайшего селения, — всё это делало труд поистине каторжным. Не случайно в артели «наёмных деловых» зачислялись колодники⁵⁵. Сам боярин оценивал этот вид работы, как средство наказания провинившихся. Этим можно объяснить и короткий срок найма на расчистку леса.

Из всего сказанного напрашивается вывод, что в основной своей массе «деловые наёмные» люди не являлись вольнонаёмными рабочими и эксплуатация их труда ничего общего не имела с капиталистической формой эксплуатации. Это была феодально-крепостническая эксплуатация, под влиянием развивающегося рынка облечённая в форму денежных отношений. Эта форма эксплуатации в промышленном производстве со временем совершенствовалась. В 1660 г. по отношению к «деловым», занятым на майданах, уже применялись меры экономического воздействия. Сбежавших к Москве «деловых» возвратили обратно на майдан, и боярин приказал: «За прогульные дни деньги вдвое зачесть»⁵⁶, —

⁴⁵ «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова». Ч. II, стр. 10, № 234, П.

⁴⁶ Там же, стр. 31, № 289.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Ч. II, стр. 5, 14, №№ 218, 243.

⁴⁹ Там же, стр. 6, № 222.

⁵⁰ Там же. Ч. II, стр. 24, № 271.

⁵¹ Там же. Ч. I, стр. 204, № 190.

⁵² Там же. Ч. II, стр. 49—50, № 326.

⁵³ Там же. Ч. I, стр. 208—209, №№ 198, 199, 200.

⁵⁴ Там же. Ч. II, стр. 6, 11, 12, 31, №№ 224, 236, 239, 289.

⁵⁵ Там же, стр. 21, 39, 50, №№ 260, 304, 326.

⁵⁶ Там же. Ч. II, стр. 171, № 511.

а не требовать отработки, как это практиковалось в начале 50-х годов.

Особо следует остановиться на рассмотрении вопроса об эксплуатации квалифицированной рабочей силы. К этой категории относились: поливачи, будники, мельники, колесники, рудознаты и другие мастера. Им боярин выплачивал не наём, а жалованье. Они также были крепостными, но пользовались некоторыми привилегиями, по всей вероятности, это были обелённые крепостные, а частью и иностранцы. «Из-за рубежа ко мне мастер рудного дела приехал, кой на мельнице водою железом куёт». Направляя в декабре 1651 г. в Лысково мастеров-рудников Евстафия Сушчевского, Мартына Башинского и Якова Сопотоцкого (судя по фамилиям, поляков), боярин приказывал дать им для обучения способных учеников.

В качестве поощрения ученикам он обещал: «А хто выучитца, и я тех пожалую, велю обелить»⁵⁷. Вполне естественно, что освобождённые от тягла мастера были больше заинтересованы в своём ремесле. Оно становилось их единственным средством к существованию. Кроме того их ничто не отвлекало от работы, и они могли целиком отдаваться своей специальности. Мельники, например, получали жалованье 5 рублей в год⁵⁸ и кроме того наделялись пашней и другими угодьями⁵⁹. На жаловании были также поливачи и будники. Высшая оплата поливача была 20 рублей за сезон и боярские харчи. «А которые поливачи и будники у тебя на майданах, и тебе б им хлеб и вологу и соль давать против тех же поливочков и будников, как Корнило дает; да им же коим женатым дать по корове»⁶⁰.

Интересно, что выплата жалованья поливачам, от которых во многом зависела производительность майдана, была поставлена в зависимость от количества выработанного поташа. Давая выговор приказчику Суровцеву (Арзамасский уезд) за недобор поташа, боярин писал: «Или у тебя и поливоч не радел, и тебе б ему поливочу, до указу жалованье не давать»⁶¹. В другом документе об этом же сказано значительно подробнее: «А на которых моих нижегородских и арзамасских майданах поливочи добры и мне радели, поташу зделали по сту бочек слишком, и вам бы велеть тем поливочам давать за их работу по 20-ти рублей денег. А кои поливочи меньше ста бочек зделали, и тем денежное жалованье давать по старому, как преже сего давывалось, по тамошнему рассмотрению, только б всякой поливоч за свою работу избюжен не был»⁶².

Из сказанного следует вывод, что боярин более бережно относился к квалифицированной, чем к подсобной рабочей силе, хотя ему ничего не стоило со всей жесто-

костью разделаться и с квалифицированными рабочими. Так, в 1652 г. боярин направил приказчику села Павловского будника Фёдора Лысова с указанием: «И тебе б его посадить в кайдаль и отдать в работу ка деловым»⁶³. Главное же состоит в том, что в принципе эксплуатации появился новый момент — стремление путём поощрения экономически заинтересовать работника. Однако и эта форма эксплуатации далека ещё от капиталистической эксплуатации. Здесь только ещё зарождались элементы будущих форм эксплуатации, для широкого развития которых в XVII в. не было необходимых условий. Феодальная система производства определяла и характер эксплуатации.

Степень использования «наёмных деловых» людей в хозяйстве боярина Морозова не была одинаковой. Довольно чётко намечаются два периода. Первый период относится к началу 50-х годов, когда боярин усиленно расширял своё хозяйство в селе Павловском и «деловые» использовались главным образом в сельском хозяйстве.

Одновременно боярин искал другие пути разрешения вопроса о недостатке рабочей силы. Он широко применял переселение крестьян в подмосковные вотчины из других своих владений, но встречал при этом сопротивление крестьян. Только в 1657 г. звенигородские и частично московские вотчины были заселены «привзанными» Б. И. Морозовым «белорусами». Проблема рабочих рук была решена в пользу обычных феодальных форм эксплуатации. В сельском хозяйстве боярин явно предпочёл барщинный труд труду «деловых».

Новое оживление в применении труда «деловых» началось в 60-х годах, когда боярин ощущал острый недостаток рабочих рук в развивавшихся промышленных предприятиях, главным образом в будном деле, когда он убедился в том, что держать будные станы силами местных крестьян больше невозможно. Промышленное производство требовало иной формы эксплуатации, каковой и оказалась эксплуатация «деловых» людей. Насколько широко и прочно укрепились эта форма эксплуатации, можно позднее проследить по работным людям. После смерти Б. И. Морозова железодельательные заводы в селе Павловском перешли в казну, а затем, в 1680 г., были сданы гостю Воронину. На них уже применялась исключительно наёмная рабочая сила. Из показаний гостя Воронина следует, что «работают де на тех заводах из наймов русские люди, и иноземцы, и всякие прохожие люди». Некоторое представление о количестве наёмных людей можно составить из следующего добавления к показаниям Воронина: «И на тех заводах у него построено ...мастеровым и работным людям дворов с пятьдесят»⁶⁴.

⁵⁷ Там же. Ч. I, стр. 179, № 132.

⁵⁸ Там же, стр. 192, № 162.

⁵⁹ Там же, стр. 188, № 150.

⁶⁰ Там же, стр. 161, № 97.

⁶¹ Там же. Ч. II, стр. 90, № 383.

⁶² Там же, стр. 85, № 376.

⁶³ Там же, стр. 39, № 304.

⁶⁴ Н. А. Бакланова. Звенигородские железные заводы в XVII веке. Сборник «Московский край в его прошлом и на-

То же самое происходило и на будных станах села Сергач, когда они перешли во владение царя Алексея Михайловича. Характерно, что «деловых» набирали также в Галицком уезде. В 1674 г. государь указал «нанять работных людей на свои великого государя Сергацкие будные майданы 800 человек» в Галиче и его пригородах⁶⁵.

Следовательно, в противоположность сельскому хозяйству наёмный труд в промышленности получил в XVII в. беспорное признание,— без него не могло уже развиваться возникавшее промышленное товарное производство. Эксплуатация «наёмных деловых» людей, возникшая в феодальной вотчине в последующие времена, постепенно совершенствуясь, эволюционировала в сторону капиталистической формы эксплуатации.

Товарное производство, обслуживавшее собственно боярское хозяйство, отличалось от мелкого товарного производства непосредственных производителей тем, что организовывалось на феодальной основе и путём феодальных методов эксплуатации.

Плата за труд наёмного человека (наём или подмога) выступала в форме компенсации за ту часть труда, которую крестьянин применил бы в своём хозяйстве, если бы не был оторван от него в связи с наймом.

Собственно барское товарное производство не разлагало натурального хозяйства вотчины, потому что не вело к специализации этого хозяйства по каким-то отдельным отраслям производства, а, наоборот, делало хозяйственную деятельность вотчины ещё разнообразней. Косвенно барское товарное производство влияло на хозяйство непосредственных производителей — крепостных крестьян, втягивая их в товарно-денежные отношения.

Явления, наблюдаемые в морозовских вотчинах, следует признать характерными

стоящем». Ч. II. Труды Общества изучения Московской области, вып. 6. М. 1930.

⁶⁵ Архив Министерства юстиции. Московский стол, № 440, л. 97.

типичными явлениями для XVII в., открывшего новый период в истории России, начало которого совпадает с началом периода позднего феодализма, когда происходила подготовка условий для капиталистического способа производства, выразившаяся в эволюции простого товарного производства непосредственных производителей в мануфактуру и даже фабрику. От концентрации мелких местных торжков в XVII в. во всероссийский рынок до образования единого национального рынка в XIX в.; от договора крепостного крестьянина на откуп мельницы или питейного заведения в XVII в. до договора крепостного оброчного купца-фабриканта со своим владельцем в XIX в.; от скупщика до купца-фабриканта; от посадского человека до буржуа; от ростовщика до банкира; от кабалы, как долгового обязательства, до векселя; от «наёмного делового» до пролетария; от бегства, как пассивной формы классовой борьбы и стихийных крестьянских восстаний и войн под царистскими лозунгами до организованных попыток конституционно ограничить и даже свергнуть самодержавие — эволюция всех этих и других базисных и надстроечных явлений социально-общественной жизни проходила медленно, в силу господства феодального строя, но неуклонно, в силу необходимости нового. Так, например, по принципам организации недалеко ушли от морозовских предприятий так называемые вотчинные мануфактуры конца XVIII века. Они являлись прямой противоположностью новым мануфактурам, выросшим из товарного производства мелких производителей, и свидетельствовали о том, что дворянство, не желая менять принципов хозяйствования и феодальной эксплуатации, пыталось добывать деньги с помощью порождённых товарным производством и рынком новых статей дохода. Общеизвестно также, что вотчинные мануфактуры, не соответствуя развивавшимся новым общественным отношениям, не выдерживали конкуренции с подлинными мануфактурами и вскоре прекратили своё существование.